

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации
Уразаева Марата Дамировича
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭБРИЕТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА
МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ),
представленной к соисканию ученой степени кандидата филологических наук по
научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертационное исследование М.Д. Уразаева проведено в направлении исследований семантической школы профессора Сагита Гайлиевича Шафикова, разрабатывающего подходы к изучению лексической типологии на материале разноструктурных языков. Представленная на отзыв диссертация М.Д. Уразаева выполнена в рамках лингвокогнитивной парадигмы современного языкознания, что позволило ее автору обозначить теоретические основы для выработки критериев отбора материала и принципов типологического описания лексико-семантического поля эбриетивной лексики в русском, английском и немецком языках.

Актуальность исследования состоит а) в назревшей потребности провести всесторонний и комплексный сопоставительный анализ лексических единиц разных языков по их значимым характеристикам для установления универсалий и уникалий в разноструктурных языках; б) в необходимости усовершенствовать теоретический и методологический аппарат для подобного рода исследований; в) в выборе в качестве материала семантического поля эбриетивной лексики, отражающего многосторонние и разноканальные когнитивные отношения системы языка с человеком и окружающим миром через национально-ментальные, социо-культурные, нормативно-аксиологические, этические и прочие каналы связи. Замечу, что эбриетивная лексика языков мира представляет неисчерпаемый ресурс для исследований не только разных лингвистических направлений, но и для представителей других наук, в фокусе которых оказывается чувствующий, мыслящий, действующий и созидующий человек.

Структура диссертации традиционна, проста и логична: введение, три главы, заключение, библиографические списки и приложение. Основной текст занимает 145 страниц, а его оригинальность составляет около 82%; в библиографическом списке 197 теоретических источников, 123 из которых на русском, остальные — на иностранных языках, а также перечень источников лексикографических в количестве шести единиц, из которых был выбран материал для исследования.

Во введении автор обосновывает актуальность исследования и его новизну,

формулирует цели и задачи, перечисляет используемые в работе методы, отмечая, что в его исследовании применялся комплекс методов, в числе которых автор называет описательный метод, сопоставительный (типологический) метод, метод оппозиций, метод компонентного анализа, полевой метод, метод количественного анализа и деривационный анализ. Во введении сформулированы также выносимые на защиту положения и сведения об апробации полученных результатов. В целом содержание Введения традиционно.

Первая глава диссертации посвящена широкому обзору типологических исследований как в исторической перспективе, так и в современном состоянии сопоставительно-типологической лингвистики. В ней М.Д. Уразаев последовательно рассматривает наиболее значимые в интересующей его области труды отечественных и зарубежных лингвистов, демонстрируя основательную эрудицию в данной области. Отдельные параграфы первой главы посвящены межъязыковым сходствам и различиям в лексических системах разноструктурных языков, а также принципам их изучения методом семантического поля. Результаты теоретического осмысления автором диссертации основ типологической лингвистики и исследований словарного состава языка посредством выявления лексико-семантических полей и анализа внутри- и межполевых отношений на смысловом и структурном уровнях представлены в выводах к первой главе, логика которых сомнений не вызывает, за исключением, пожалуй, дефиниции термина «категория» в п.7 на с.55 (см. об этом в отзыве ниже).

Вторая и третья главы диссертации посвящены непосредственному изучению эвристивной лексики русского, английского и немецкого языков в сопоставительном плане. В фокусе исследования, наряду с отдельными лексемами, — фразеологические единицы. В этой части работы автор ставит непростые задачи, связанные с восстановлением лексико-семантических макрополей эвристивной лексики в исследуемых языках, их компонентов — микрополей, компонентов их образующих — лексических единиц и, наконец, компонентного состава самих этих единиц на смысловом и структурном уровнях с целью установления лексико-семантических универсалий и уникалий в данной области.

Здесь стоит вспомнить учение средневековых грамматистов-концептуалистов и авторов универсальных грамматик Нового времени, считавших, что понятийно-

семантическое содержание всех языков одинаково в силу единой а) природы универсума, б) природы всех людей и, соответственно, в) природы и возможностей их когнитивных способностей. Различие же языков выявляется исключительно в плане выражения. Современные исследования лексико-семантических систем разных языков, даже из числа близкородственных, опровергают это бытовавшее на протяжении многих веков представление. К числу таких исследований относится и диссертация М.Д. Уразаева, автору которой удалось доказать, что в лексико-семантических полях, наряду с прототипическими смысловыми узлами, общими для анализируемых языков, существуют паратипические смысловые участки, характеризующиеся приращением дифференциальных смысловых компонентов и номинированные в системе языка лексическими единицами (отдельными лексемами, или композициями лексем) с коррелирующими семантическими признаками (в терминологии автора диссертации — семемами с определенным набором сем). В этом состоит **теоретическая значимость** работы М.Д. Уразаева, которая непосредственно связана также с возможностями **практического применения** его результатов: в частности, использованная и апробированная им методика анализа лексико-семантического поля эбриетивной лексики может быть с успехом применена к анализу других участков лексической системы языка (языков) и изучения ее как когнитивно-семиотического целого. **Новизна** исследования определяется объектом и материалом исследования, ибо, как отмечает сам автор диссертации, и как уже было отмечено в отзыве выше, эбриетивная лексика представляет собой социальную, культурную и языковую универсалию в силу высокой степени коммуникативной значимости, а потому представляет богатейший ресурс для изучения универсальных и уникальных способов репрезентации в разноструктурных языках схожих явлений культуры. Тем не менее, семантическое поле «алкогольное опьянение» в русском, английском и немецком языках до сих пор системного описания не получило.

В числе **достоинств** диссертации и её автора обращу внимание на то, что

- материал — эбриетивная лексика в русском, английском и немецком языках — как в плане выражения, так и в плане содержания, проанализирован всесторонне и глубоко, а полученные результаты сомнения не вызывают.
- Статистический анализ полученных результатов проведен основательно, и на этом участке исследования автором диссертации проделана большая работа.

- Импонирует также и то, что М.Д. Уразаевым в диссертации уделено внимание не только основным номинациям лексико-семантического поля «алкогольное опьянение», но и вторичным номинациям с метафорическими и метонимическими значениями.
- Поставленные автором **задачи решены**, и результаты их решения нашли отражение в вынесенных на защиту положениях.

Вместе с тем, как и любое серьезное исследование, диссертация М.Д. Уразаева располагает к размышлению, что приводит к необходимости задать автору ряд вопросов. Обращу внимание на основные из них.

1. «Процессуальные» номинации включены диссертантом в один ряд с «субстантивными» и «адъективными». Почему тогда они не именованы «глагольными»? Если семантика терминов мотивирована категориально-семантическим аспектом языковых знаков, или знаковых комплексов, а не категориальным структурно-грамматическим их аспектом, то следовало бы именовать субстантивные номинации «предметно-образными», т. к. имя существительное как категория на лексико-семантическом уровне — это знак для всего, что мыслится предметно-образно в противоположность глаголу — знаку для всего, что мыслится процессуально. Прилагательное же — знак того, что мыслится (т. е. оценивается, интерпретируется языковым сознанием) как признак, свойство того, что мыслится предметно-образно; наречие — знак признака или свойства того, что мыслится процессуально. Для этих групп слов или словосочетаний — десигнаторов с соответствующим десигнативным содержанием (у автора — семема?) следовало бы придумать и соответствующие номинации, которые, в числе прочего, позволили бы развести собранные примеры в две разные группы, и тогда выражения типа «*напиться до положения риз*» оказалось бы не в группе «адъективных», а в группе «свойства (признака) процесса», где ему и место (?). Если же речь идет о «частеречных субполях» (термин автора), с учетом формально-грамматического категориального уровня, то следовало бы использовать, наряду с «субстантивными» и «адъективными», «глагольные» номинации.
2. Не соглашусь с тем, что «Феномен переосмысления лежит в экономичности языка» (с.107 дисс.), т. е. с тем, что механизм семантической деривации (в том

числе метафоризации) обусловлен языковой экономией. С точки зрения экономного расходования знаков языка, т. е. стремления рече-языковой системы решить проблему обогащения квантами смыслов посредством использования уже имеющихся в ней знаков — да. Но с точки зрения самого обогащения квантами смыслов и изобретения для них всё новых способов выражения средствами разных уровней системы языка — нет, ибо на смыслах понятийно-семантического плана, требующих выражения, язык не экономит.

3. Почему метафоры «семантического характера» вписаны автором в парадигму остальных «категорий» типа «кинетические, вреда, ментальной сферы» и др. (см., напр., с. 132 дисс.). Разве остальные в представленном ряду не семантические? Почему «*окосеть*», «*einen in der Krone haben*» и «*быть под балдой*» в разных группах (у автора — в «категориях»)? Почему «залить глаза» не в группе «влага», как «залить тоску»? Следуя логике автора, одноденотатные выражения «*быть (сидеть) в синей яме*», «*упасть в синюю яму*» и «*плавать в синей яме*» окажутся в разных группах? Если да, то на каком основании?
4. «*Кинетические метафоры, метафоры вреда, метафоры ментальной сферы, метафоры соматического характера, метафоры влаги, метафоры контейнера, метафоры кулинарного приготовления*» автор называет «фундаментальными метафорическими категориями» (см. с.130-сл.), чем явно преувеличивает их статус в системе языка. Это могут быть «семантические классы», «группы» (и т.п.), но не категории. На мой взгляд, само понятие «языковая категория» представлено в диссертации диффузно: «*Категория* представляет собой искусственную систему мысленных образов, формируемых из понятийных, образных и оценочных компонентов индивидуума или группы людей, объединённых общей тематикой» (с.55). Данная дефиниция — не о категории языка, как полагает автор. Языковые категории (замечу, кстати, что они подразделяются на понятийные и грамматические) — это языковые формы осознания всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства объектов реального мира, законов природы, общества и мышления. В этой связи нуждается в поправке и высказывание: «Языковые структуры, представляющие внеязыковой мир, частично универсальны и частично специфичны» (с.141), ибо внешний

мир представляет всё, что есть в языке. Разумеется, на уровне грамматики отношение «мир-язык» выявляется на более глубоком уровне системы языка, чем в лексике, но утверждать, что его не существует, по меньшей мере некорректно.

Замечания.

1. В тексте диссертации встречаются некорректные выражения, которые вносят путаницу в понятийный аппарат. Прочитую некоторые из них.

- Из содержания высказывания: «Осознание связи дословного восприятия этого образа (модели) с истинным значением фразеологизма («напиться») служит основанием семантического переноса: «набраться» → «напиться»» (с.97) следует, что «образ» и «модель» — это синонимы.
- Наряду с терминами «мотивация» и «мотивированность» употребляется термин «мотивировка». Точные значения этих терминов в контекстах, где они употребляются, выявляются не всегда (см., напр., с.97-сл. дисс.).
- Анализ выражения: «Различие между концептом и категорией не является абсолютным, поскольку и то, и другое суть ментальные структуры» (с.141) потребовал бы написания отдельной статьи; в отзыве ограничусь лишь указанием на то, что «концепт» и «категория» — это не структуры.
- Замечу, что термин «структура» в диссертации употребляется слишком вольно, равно, как и термин «система», наряду с терминами «поле» и «парадигма». Из высказывания: «Семантическое поле представляет собой метаязыковую парадигму, то есть систему взаимосвязанных и взаимозависимых содержательных единиц – семем» (с.141) следует, что «поле», «парадигма» и «система» — синонимы. Есть в тексте и еще одна дефиниция семантического поля: «ментальное пространство» (там же).

2. В диссертации есть ссылки на работы, которых в библиографическом списке нет: [Турбина 2013: 63] (с.39 дисс.); П.Н. Тиханов («Криптогlossарий», 1891 — с. 83 дисс.).

3. В тексте диссертации есть орфографические опечатки, морфологические и синтаксические погрешности.

Однако, данные вопросы и замечания дискуссионны и незначительны на фоне несомненных достоинств диссертационного исследования М.Д. Уразаева, в числе

которых актуальность, верно выбранное направление и острота затронутой проблематики. Следует особо отметить, что все заданные вопросы вызваны интересом к работе М.Д. Уразаева, требуют ответа на них и, следовательно, открывают перспективу для дальнейших его исследований, которые обещают быть продуктивными.

Автореферат и публикации отражают основное содержание диссертации.

Всё сказанное позволяет сделать заключение о том, что диссертационное исследование М.Д. Уразаева «Структурно-семантический анализ эбриетивной лексики (на материале русского, английского и немецкого языков)» соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, а её автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

24.11.2023 г.

Я, Турбина Ольга Александровна, даю согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета и их дальнейшую обработку.

Доктор филологических наук по специальностям

10.02.05 – романские языки;

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание,

профессор, директор ЦДО «Лингвистический центр»,

профессор кафедры «Лингвистика и перевод»

Института лингвистики и международных коммуникаций

федерального государственного автономного образовательного

учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

(ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»)

Ольга Александровна ТУРБИНА

Контактные данные:

Название организации: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

Почтовый адрес организации: 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76

Телефон организации: +7 (351) 267-99-00 (351) 267-93-15

Адрес электронной почты организации: E-mail: info@susu.ru

Адрес официального сайта организации: <https://www.susu.ru>

Адрес электронной почты автора отзыва: e-mail: turbinaoa@susu.ru

ЗЕРТЮ
Начальник службы
делопроизводства
И.И. Шугаев